

М.С. Кокарев*

НИКОЛАЕВСКОЕ И УРАЛЬСКОЕ ВИКАРИАТСТВА В СТРУКТУРЕ САМАРСКОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ НАЧАЛА XX В.

дних из самых актуальных церковно-административных вопросов для Русской Церкви конца синодального периода был вопрос статуса и полномочий викариев. Делопроизводство с каждым годом усложнялось; у Самарского епископа в некоторые предреволюционные годы число дел доходило до 20000¹. В результате епископ, по словам одного исследователя, «оказывался по большей части прикован к своему письменному столу, что затрудняло его поездки по епархии»². Сохранявшийся до 1917 г. принцип, по которому границы епархии должны были соответствовать границам губерний, также не способствовал облегчению дела. В целях помощи правящим архиереям к 1917 г. было учреждено 70 викариатств³. При этом никакого четкого положения о статусе и полномочиях викария не было создано. Викарий чаще всего получал инструкции непосредственно от правящего архиерея или же они оговаривались Синодом при учреждении.

Самарская епархия, основанная в 1851 г., была одной из стремительно развивавшихся территорий Русской Православной Церкви. К 1900 г. численность населения составляла около 3 млн. человек, из которых православных вместе с единоверцами было 2239691 человек⁴. Неудивительно, что в начале XX в. остро встал вопрос об эффективности управления столь крупной территорией с большим количеством приходов, которые правящий архиерей не имел возможности регулярно посещать. Кроме того, в епархии была непростая ситуация с расколом, было много единоверческих приходов, активизировалась миссионерская деятельность. Все это актуализировало вопрос о викарии, который бы помогал правящему архиерею в делах управления епархией и координировал бы миссионерское направление.

В ноябре 1900 г. епископ Гурий (Буртасовский) обратился в Синод с предложением учредить в Самарской епархии викариатство. Назначить викарием он предлагал архимандрита Тихона (Оболенского), настоятеля Спасо-Преображенского единоверческого монастыря, Николаевского уезда. Аргументируя свой выбор, епископ Гурий пишет: «в продолжение почти девятилетнего своего служения он (архим. Тихон – авт.) вполне оправдал доверие к нему Св. Синода по назначении его, в 1892 г., на должность настоятеля названного монастыря»⁵. В характеристике отмечается, что, обладая богатыми способностями и добрыми нравственными качествами, архимандрит Тихон «сумел привить дух православия» не только братии своего монастыря, но и других соседних единоверческих обителей⁶. Кроме того,

* © Кокарев М.С. - аспирант Общецерковной аспирантуры им. Кирилла и Мефодия (Москва), 2014.

кандидат имел огромное влияние на местных старообрядцев, «благодаря которому в настоящее время в них не усматривается того грубого фанатизма, каким они отличаются... Такое влияние его простирается на раскольников почти всего Николаевского, весьма обширного, уезда. Не без пользы и успеха он ведет беседы о православии и с сектантами...»⁷.

Саму необходимость учреждения викариатства епископ Гурий видел в «усиленной деятельности духовенства по народному образованию и миссионерскому влиянию по просвещению язычников, состоящих под сильным влиянием магометанства, и обращению в православие раскольников и разного рода сектантов»⁸. С назначением викарием Тихону представилась бы возможность расширить свою пастырскую и миссионерскую деятельность по всей Самарской епархии. Однако речь шла не только о помощи правящему архиерею по общепархиальным делам. Особые полномочия викарий должен был получить в отношении уездов Николаевского и Новоузенского «как ближайших к месту его пребывания»⁹.

Доклад Синода по поводу учреждения в Самарской епархии викариатства был Высочайше утвержден 17 декабря 1900 года. В указе говорилось, что викарная кафедра учреждается на местные средства. Наречение и хиротония архимандрита Тихона (Оболенского) в епископа Николаевского должны были состояться в Самаре. Данный указ был получен в Самаре уже 3 января 1901 года¹⁰. Сама хиротония состоялась 14 января в сослужении епископов: Самарского Гурия, Оренбургского Владимира, Симбирского Никандра и Чебоксарского Иоанна. Уфимский преосвященный Антоний опоздал из-за неполадок на железной дороге и вышел уже только на вручение жезла епископу Тихону¹¹.

Местом пребывания для епископа Николаевского был определен все тот же Спасо-Преображенский монастырь, который должен был содержать викария. Еще до рукоположения Тихону было разрешено взять из монастырских денег 2000 р. на расходы по хиротонии и для «экипировки соответственно сану»¹². Во время своих приездов в Самару (на время отсутствия правящего архиерея) викарий останавливался в каменном флигеле архиерейского дома.

Самым интересным был вопрос о полномочиях и обязанностях викарного архиерея. Епископ Гурий запросил консисторию о соображениях по данному вопросу. Последняя в своем журнале от 22 января 1901 г. дала список дел, которые, по ее мнению, должны относиться к ведению викарного епископа. Список этот состоял из двух частей: 1) дела общепархиальные и 2) дела по уездам Николаевскому и Новоузенскому.

По всей епархии: 1) заведование всеми единоверческими приходами и монастырями во всех отношениях; 2) По проповеди: а) назначение очередных проповедей и катехизических поучений в соборах и приходских церквях (кроме Самары) и б) о воскресных внебогослужебных поучениях; 3) о наблюдении за неисполнением христианского долга и назначение епитимий за небытие на исповеди; 4) ревизия обыскных книг и других церковных документов; 5) рассмотрение журналов благочиннических съездов ду-

ховенства и окружных училищных съездов, не требующих безотлагательного распоряжения, и б) рассмотрение годичных и полугодичных отчетов благочинных.

По Николаевскому и Новоузенскому уездам: 1) обращение сектантов и иноверцев в православие; 2) разрешение малолетних браков и браков в родстве; 3) посвящение в стихарь; 4) назначение законоучителей светских училищ; 5) контроль за приходскими попечительствами¹³.

Епископ Гурий, судя по всему, видел полномочия своего помощника несколько шире. На журнале консистории он наложил резолюцию: «Со своей стороны, я полагаю бы, кроме означенных дел, предоставить право преосвященному викарию, по предварительному соглашению с епархиальным епископом, но по личному его усмотрению, для пользы службы, перемещения с места на место, в пределах Николаевского и Новоузенского уездов, как священнослужителей, так и псаломщиков...»¹⁴. Гурий предлагал также передать викарию все дела по награждению достойных клириков по его двум уездам.

Консистория, однако, не согласилась с правящим архиереем. Чиновники совершенно логично предположили, что дарование таких полномочий епископу Тихону вызовет массу жалоб и ходатайств со стороны перемещенных викарием клириков к епархиальному архиерею, как к высшей власти. Будет много лишней переписки, а в случае, если правящему архиерею придется отменить какие-либо решения викария, откроется простор для конфликтов¹⁵. В результате было принято решение остановиться на первом варианте, предложенном консисторией, который и был напечатан в епархиальных ведомостях¹⁶.

На деле оказалось, что процесс настройки и отладки механизма взаимодействия викарного епископа с епархиальными институтами достаточно длительный и сложный. Инстанции еще очень долго путались и обращались не туда, куда следовало бы в новых условиях. Так, уже в конце 1902 г. секретарь епископа Гурия Николай Тихомиров сообщал правящему архиерею, что до сих пор в канцелярию епархиального архиерея обращаются как консистория, так и благочинные единоверческих церквей по делам последних. Канцелярия в связи с этой перепиской превратилась в «передаточную инстанцию», что нарушает порядок, утвержденный больше года назад, да и вообще «неудобно для деловодства по единоверческим делам»¹⁷.

В своей резолюции на этом рапорте сам епископ Гурий сетовал, что с самого момента передачи викарию дел по единоверию он не получает никаких сведений, необходимых ему для составления отчета в Синод. По этой причине Гурий принял решение вернуть единоверческие дела в ведение епархиального архиерея и дал консистории распоряжение известить об этом как епископа Тихона, так и единоверческие приходы, и монастыри¹⁸.

Что же касается помощи по общепархиальным делам, то тут тоже возникли сложности по причине отдаленности Николаевска от Самары. Так, например, предполагалось, что викарий избавит правящего архиерея от

необходимости просматривать журналы окружных училищных съездов (по крайней мере, эта обязанность числилась в разряде дел «по всей епархии»). В результате к епископу Тихону попадали в лучшем случае журналы ближайшего Николаевско-Новоузенского округа; остальные по-прежнему просматривал епархиальный архиерей.

Таким образом, размер помощи викарного архиерея оказался не таким большим, как ожидалось. Епископ Гурий скоро понял все неудобства такого положения. Осенью 1903 г. он писал консистории, что имеет «намерение ходатайствовать пред Св. Синодом о перемещении резиденции викария в Самарский Николаевский монастырь, чтобы быть ему... по епархиальному управлению в помощь мне»¹⁹. В связи с этим возникла переписка с монастырем на предмет наличия у него средств для содержания викария. Мы не имеем точных сведений о том, успел ли епископ Гурий отправить ходатайство в Синод до того, как его самого в апреле 1904 г. перевели на кафедру в Симбирск, и возникал ли данный вопрос при его преемнике, епископе Константине (Булычеве). В любом случае в 1908 г. перемещение викария в Самару стало совсем неактуальным ввиду присоединения Уральской области и изменения статуса викария.

В результате постоянной резиденцией епископа Николаевского все время оставался Спасо-Преображенский монастырь. Литургически власть епископа Тихона выражалась в том, что его поминали за службами в Николаевском и Новоузенском уездах всегда, а в других уездах только при его присутствии за богослужением. В Николаевском соборе и Спасо-Преображенском монастыре его именовали еще и «Господином нашим»²⁰. Своей канцелярии первоначально викарный епископ не имел; письмоводительские обязанности выполнял вольнонаемный писец самарской консистории Щербаков, получая жалование от того же Спасо-Преображенского монастыря²¹.

В 1908 г. в административно-территориальном устройстве Самарской епархии произошли серьезные изменения. Решением от 7 ноября 1908 г. император утвердил доклад Синода, по которому Уральская область изымалась в церковном отношении из ведения Оренбургского епископа и присоединялась к Самарской епархии. При этом она должна была находиться «под главным ведением Самарского преосвященного и с непосредственным подчинением викарию Самарской епархии с присвоением сему последнему наименования Уральским, взамен настоящего наименования Николаевским...»²².

Таким образом, резко увеличилась территория и численность населения Самарской епархии. Образованная в 1868 г. Уральская область была 4-й по площади среди регионов Европейской России и занимала 284 411 кв. версты (примерно 303 182 кв. км)²³. Из этих земель 62067 кв. версты принадлежали казакам Уральского казачьего войска, а 222343 – были государственной собственностью, которой пользовались киргизы (казахи).

Общая численность населения Уральской области по официальным данным составляла 743 818 человек. Однако цифра эта приблизительно, так

как численность кочевников подсчитать было сложно. Более точна цифра проживавших на собственно войсковой территории – 259378 человек²⁴. Из них: православных было 102958 человек, единоверцев – 69183, старообрядцев – 68580, мусульман – 17348. При этом большинство уральских казаков было или старообрядцами (66249) или единоверцами (65783), а православными всего 3860 человек. Напротив, люди невойскового сословия («иногородние») были в основном православными – 99098²⁵. Всего войсковому сословию принадлежали 144678 человек, следовательно, старообрядцев была почти половина.

Епископ Тихон получил в управление область почти на 2/3 населенную мусульманами-киргизами, где из всего христианского населения около половины составляли старообрядцы и единоверцы. Такое соотношение ставило перед викарием в первую очередь миссионерские задачи и требовало корректировки его полномочий. Действительно права Уральского епископа были значительно шире, чем ранее у епископа Николаевского. Он получил право определять, увольнять и перемещать клириков в пределах области, самостоятельно заведовать делами церковного и монастырского хозяйства, приобретать и рассылать бланковые листы для метрических книг и других церковных документов²⁶. Таким образом, мы видим, что были реализованы те предложения, которые еще в 1901 г. выдвигал епископ Гурий при учреждении викариатства²⁷.

В отношении следственных дел, касающихся клириков Уральской области, был установлен порядок, согласно которому все подобные дела перед утверждением их Самарским архиереем присылались на просмотр епископу Тихону²⁸. Все остальные дела (приходские, наградные) были оставлены в ведении епархиального архиерея.

В связи с расширением полномочий и ростом количества дел, входящих в сферу ответственности викарного архиерея, была создана канцелярия Уральского епископа. Состояла она всего из двух человек: секретаря и казначея. Вплоть до 1917 г. эти должности занимали соответственно священники Иоанн Хованский и Мирон Саблин²⁹. Им полагалось жалование: первому – 600 р., а второму – 300. Деньги на это должны были быть приняты на суммы Уральского казачьего войска. Однако, судя по документам, войсковое начальство не спешило брать канцелярию епископа на свой баланс. Так в 1911 г. деньги поступали все еще из специальных сумм Синода³⁰. Оттуда же перечислялись деньги на канцелярские надобности (100 р.), хотя по определению Синода, они абсолютно точно должны были удовлетворяться на местные средства³¹.

В 1914 г. Синод дополнительно расширил права викария. В его ведение перешли дела о награждении и представлении к наградам как священнослужителей, так и других лиц, а также право открытия и закрытия приходов и вопросы материального обеспечения духовенства. Перемещать духовенство из викариатства в другие части епархии и наоборот можно было только с обоюдного согласия обоих архиереев. Епископ Тихон сносился по всем этим делам непосредственно с Синодом, лишь ставя в извест-

тность о своих действиях правящего архиерея³². Центральные учреждения духовного ведомства в делах, касающихся Уральского викариатства, в свою очередь, «должны входить в непосредственное сношение с епископом Уральским или подчиненными ему учреждениями, причем в таких случаях епископу Самарскому или починенным ему учреждениям Самарской епархии посылаются только уведомительные бумаги»³³.

Таким образом, ситуация с викариатством в Самарской епархии достаточно показательна для Русской Церкви начала XX в. При учреждении Николаевского викариатства его основной целью предполагалась помощь правящему архиерею, но при этом оговаривались и особые полномочия викария по отношению к двум уездам, что изначально закладывало определенную двойственность. В 1908 году ситуация поменялась, и Уральский епископ получил от Синода инструкцию с достаточно широкими полномочиями. Вся дальнейшая история Уральского викариатства – путь к созданию независимой епархии. Этапами этого пути были и выделение отдельной строкой финансирования в 1912 г. и максимальное расширение полномочий в 1914 г. Создание в викариатстве структур со статусом епархиальных (переселенческий комитет, миссионер-проповедник) также свидетельствует о намерении сделать область отдельной епархией. Разговоры об этом шли как минимум с 1910 г., о чем упоминали местные архиереи и даже говорилось в синодальном указе. Однако последний шаг сделан не был, а Уральское викариатство так и оставалось до 1917 «полунезависимой» епархией³⁴. Эта медлительность в решении проблем епархиального управления неизбежно сказывалась на эффективности последнего.

Примечания

¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7090. Л. 9 об.

² Смолич И.К. История Русской Церкви 1700–1917. М., 1997. Ч. 1 С. 268.

³ Там же. С. 269.

⁴ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1901 год. Самара, 1900. С. 68.

⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6864. Л. 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 2 об.

⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6864. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 9–9 об.

¹² Там же. Л. 4 об.

¹³ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6864. Л. 19–20.

¹⁴ Там же. Л. 19.

¹⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6864. Л. 22 об–23.

¹⁶ Круг дел, подлежащих ведению Преосвященного Викария Самарской Епархии // Самарские Епархиальные Ведомости. 1901. № 5. С. 29–30. (оф. ч.)

¹⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6864. Л. 31–32.

¹⁸ Там же. Л. 31.

¹⁹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4609. Л. 1.

²⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6864. Л. 34.

²¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6864. Л. 19 – 20.

²² Высочайшие повеления // Церковные ведомости. 1908. № 48. С. 351.

²³ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1908 год. Уральск, 1908. С. 75.

²⁴ Там же. С. 83.

²⁵ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1908 год. Уральск. С. 83.

²⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2727. Л. 2.

²⁷ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6864. Л. 19.

²⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2727. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 60.

³⁰ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4970. Л. 2.

³¹ Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // Самарские Епархиальные Ведомости. 1909. № 1. С. 3. (оф. ч.)

³² О расширении прав Уральского викария // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1914. № 47. С. 1979.

³³ Там же. С. 1979.

³⁴ И. К. Смолич упоминает только 3 викариев, которые управляли частью епархии и имели свое собственное правление: Сарапульского, Велико-Устюжского и Холмского. См.: Смолич И. К. Ук. соч. С. 270. Уральский викарий, по нашему мнению, также вполне вписывается в этот ряд.